

> МАГИСТРАЛЪ >

ДЖОРДЖ ЭЛИОТ

Мельница на Флоссе

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Э46

George Eliot
THE MILL ON THE FLOSS

Перевод с английского *Антонины Островской*

Художественное оформление *Натальи Портяной*

Элиот, Джордж.

Э46 Мельница на Флоссе / Джордж Элиот ; [перевод с английского А. Островской]. — Москва : Эксмо, 2026. — 608 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-211074-0

Мэгги многим была обязана своему брату Тому. Он спас семью от разорения, когда их отец обанкротился и погряз в долгах. После этого Том решил, что вправе указывать Мэгги во всем — даже в том, кого любить, а кого нет. Узнав о связи Мэгги с Филипом, он хотел заставить сестру забыть об этом жалком человеке. К тому же в девушку влюблен богатый красавец Стивен. Но он — жених ее кузины Люси. Мэгги понимает, что, ответив взаимностью Стивену, она разобьет кузине сердце и ранит душу Филипа. В борьбе с собой и жестокой волей брата Мэгги предстоит сделать выбор. Позволить себе любить и жить, не оглядываясь на других? Или смириться, так и не позволив себе стать счастливой?..

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Островская А.Ю., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-211074-0

Книга первая

БРАТ И СЕСТРА

Глава I

ОПИСАНИЕ ДОРЛКОТСКОЙ МЕЛЬНИЦЫ

Равнина тянется далеко, а река Флосс несет свои воды к морю между зелеными берегами. Прилив, словно влюбленный, стремится навстречу реке и, обняв ее, замедляет течение. Мощная волна несет черные корабли, груженные смолистыми сосновыми досками, туго набитыми мешками с маслянистыми семенами или блестящим черным углем. Они плывут вверх по течению, к городку Сент-Оггс, где старинные остроконечные крыши и широкие причалы верфей виднеются между лесистым холмом и рекой, отбрасывая на воду легкую лиловую тень в мимолетных лучах февральского солнца.

По обоим берегам раскинулись тучные пастбища и темные вспаханные поля, готовые для посева, кое-где уже тронутые нежной зеленью озимой пшеницы. Кое-где за изгородями стоят прошлогодние скирды, похожие на улы. Деревья растут вдоль каждой ограды, и кажется, будто мачты далеких кораблей поднимаются прямо среди ветвей раскидистых ясеней. У самых окраин города, где крыши краснеют на солнце, во Флосс впадает речушка Рипл. Как хороша она своей темной, вечно изменчивой рябью! Когда я иду вдоль берега и слушаю ее тихое журчание, она кажется мне живым собеседником — ее голос звучит будто умиротворяющий шепот влюбленной. Я помню ее раскидистые склоненные ивы, помню каменный мост.

Вот и сама Дорлкотская мельница. Я остановлюсь на мосту на минуту, чтобы взглянуть на нее, хотя тучи уже сгущаются и день клонится к вечеру. Даже в конце фев-

раля, в эту сырую и холодную пору, мельница привлекает внимание — быть может, непогода придает особое очарование этой уютной постройке, такой же старой, как вязы и каштаны, защищающие ее от порывов северного ветра. Река теперь полноводна — вода поднялась и затопила часть лужайки перед домом, где трава уже зеленеет. Глядя на разлив, на яркую зелень, на блестящий мох, смягчающий очертания старых коряг и веток, я проникаюсь странной любовью к этой сырости и даже завидую белым уткам, которые так беззаботно ныряют среди ив, совсем не думая о том, как нелепо они выглядят сверху.

Гул воды и стук мельничного колеса навевают на меня дремотное оцепенение, как будто усиливая ощущение безмятежного покоя. Эти звуки, как завеса, отделяют меня от остального мира. Вот грохочет большая крытая телега, возвращающаяся с мешками зерна, — извозчик думает о своем обеде, который, наверное, уже пережарился в печи, но сам он не притронется к еде, пока не накормит лошадей — сильных, покорных животных. Мне кажется, когда он щелкает кнутом, будто угрожая, лошади смотрят на него из-под шор с немым укором. Посмотрите, как энергично они тянут телегу в гору к мосту: они чувствуют, что дом близко. Видите их большие лохматые копыта, крепко упирающиеся в землю, их согнутые под ярмом шеи, напряженные бедра? Мне бы хотелось услышать, как они радостно заржут над заслуженным кормом, увидеть, как, освободившись от упряжи, они опустят морды в мутную воду пруда. Но вот они уже на мосту, быстро спускаются вниз, и телега скрывается за поворотом.

Теперь я снова могу разглядывать мельницу и следить за неустанным колесом, разбрасывающим алмазные брызги воды. Девочка на берегу тоже смотрит на него — она стоит там с тех пор, как я остановился, а белая собака с коричневыми ушами прыгает и лает, словно споря с колесом, — может, она ревнует, что ее подруга в пуховой шляпе так увлечена его движением. Пора бы ей уже возвращаться домой, где окна горят манящим светом и его красноватые

блики мерцают под хмурым небом. Пора бы и мне убрать руки с холодного парапета...

Ох, у меня и вправду затекли руки. Я оперся на подлокотники кресла, вспоминая, как стоял на мосту у Дорлкотской мельницы февральским вечером много лет назад. Прежде чем наконец задремать, я расскажу вам, о чем говорили мистер и миссис Талливер у камина в гостиной как раз в тот самый день, что мне привиделся.

Глава II

МИСТЕР ТАЛЛИВЕР ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ О БУДУЩЕМ ТОМА

— Вот что я решил, — заявил мистер Талливер. — Я хочу дать Тому хорошее образование, такое, которое прокормит его в будущем. Поэтому после Благовещения я забираю его из академии, а ко дню Иоанна Крестителя отдам в приличную школу. Если бы я хотел сделать из него мельника или фермера, двух лет учебы хватило бы — он и так уже знает больше, чем я. Все мое образование, за которое отец платил, — это азбука да розги. Но я хочу, чтобы Том стал ученым человеком, чтобы разбирался во всех этих хитростях, которыми владеют краснобаи — те, что говорят красиво да пишут витиевато. Он станет мне подмогой в тяжбах, третейских судах и прочих делах. Я, конечно, не сделаю из него настоящего адвоката — не хочу, чтобы вырос негодяем, — но инженером, землемером или оценщиком, вроде Райли... Одним словом, подготовлю его к делу прибыльному, где не нужно тратиться — разве что на массивную цепочку для часов да на высокий табурет. Все это, по-моему, сродни адвокатуре. Райли, например, самому адвокату Уэйкему смотрит прямо в глаза, как кошка смотрит на кошку, и ни капли его не боится.

Мистер Талливер обращался к жене — белокурой, добродушной женщине в веерообразном чепце — страшно подумать, как давно вышли из моды такие чепцы... Хо-

тя, быть может, скоро они снова будут популярны. В те времена, когда миссис Талливер было около сорока, они только-только появились в Сент-Оггсе и считались верхом изящества.

— Пожалуй, мистер Талливер, тебе лучше знать, — ответила она. — Я не смею перечить. Может, стоит зарезать пару кур и позвать на обед теток и дядей? Послушали бы, что скажут сестра Глегг и сестра Пуллит. У нас как раз есть две курицы, которых давно пора пустить в дело.

— Можешь перерезать всех кур на дворе, но я не стану спрашивать ни теток, ни дядей, как мне растить своего собственного сына! — надменно заявил мистер Талливер.

— боже мой! — воскликнула миссис Талливер, пораженная его кровожадным заявлением. — Как ты можешь так говорить? Ты всегда с таким пренебрежением отзываешься о моей родне! А сестра Глегг во всем винит меня, хотя я невинна, как младенец во чреве матери. Да я вечно всем твержу, как нашим детям повезло, что у них тетушки и дядюшки со средствами. Но если Тома отдавать в новую школу, пусть это будет школа поближе, чтобы я могла стирать и штопать его белье. Иначе хоть полотняные рубашки, хоть ситцевые — после шести стирок пожелтеют одинаково. Да и я хоть смогу передать ему вместе с бельем пряник, пирог со свиной или яблоко — лишний кусок ему не повредит. Слава богу, мои дети едят досыта!

— Ладно, ладно, — смягчился мистер Талливер. — Если не найдем школу поблизости, не будем отправлять его далеко. Но и ты, Бесси, не вставляй мне палки в колеса со своей стиркой. Вот вечно у тебя так: видишь препятствие и сразу думаешь, что его не обойти. Это ведь из-за тебя я не нанял хорошего извозчика, только потому что у него на лице была родинка!

— Господи помилуй! — удивилась миссис Талливер. — Да разве я когда-нибудь невзлюбила человека из-за родинки? Мне они даже нравятся! У моего покойного брата была родинка на лбу. И не припомню, мистер Талливер, чтобы ты предлагал мне нанять извозчика с родинкой.

Был у нас Джон Гибс — без единой родинки, и я сама тебя уговаривала его взять... Если бы он не умер от воспаления легких (а мы еще и заплатили доктору Тернбуллу за лечение), он бы до сих пор возил вашу телегу. Разве что родинка у него была где-то, где я не видела...

— Нет, нет, Бесси, вовсе не о родинке речь... Все равно. Ох, трудно объяснить! — Мистер Талливер задумался. — Главное — найти подходящую школу для Тома, а то меня, как с той академией, опять обманут. Никаких академий! Пусть это будет место, где дети учатся чему-то полезному, а не чистят сапоги да копают картошку. Трудное дело — выбрать школу...

Он замолчал, засунув руки в карманы, словно надеясь найти там подсказку. И, кажется, нашел:

— Знаю, что делать! Поговорю с Райли. Завтра он придет на арбитраж по поводу плотины.

— Я уже подготовила для него постель, а Касия просушила простыни у огня. Не самые лучшие, но вполне приличные. А вот те голландские — иногда я думаю, что зря на них потратилась, но ведь нужно нас как следует обрядить на смертном одре... Умри ты завтра — они уже выглажены, лежат в дубовом сундуке, пахнут лавандой... Хотя ясно, что я никому не позволю и пальцем до них дотронуться.

С этими словами миссис Талливер достала из кармана связку ключей, выбрала нужный и, слегка потирая его пальцами, безмятежно улыбнулась, глядя на огонь. Будь мистер Талливер ревнивым, он мог бы подумать, что жена уже представляет, как достает эти простыни для его похорон. К счастью, он ревностно относился только к своим правам на воды Флосса, да и вообще привык не вслушиваться в ее речи. Упомянув Райли, он задумался, тербя шерстяные носки.

— Кажется, я придумал, Бесси, — сказал он, немного погодя. — Райли точно знает, куда отдать Тома. Он сам учился, бывает повсюду — и на третейских судах, и на оценках. Завтра после дела обсудим. Я хочу, чтобы Том

стал таким же, как он: говорил складно, знал кучу умных слов, за которые закон не зацепится, но и дело понимал.

— Пожалуй, — согласилась миссис Талливер. — Пусть учится, говорит красиво, ходит гордо, зачесывает чуб... Только эти городские краснобаи вечно занасивают свои манишки до дыр, а потом прикрывают их шейным платком. Райли так делает, я знаю. И если Том переедет в Медпорт, у него, как у Райли, будет дом с крошечной кухней, где не развернуться, и завтракать он будет тухлыми яйцами, а спать на четвертом этаже — случись пожар, он сгорит, не успев спуститься.

— Нет, нет, — возразил мистер Талливер, — я не собираюсь отправлять его в Медпорт. Пусть откроет контору здесь, в Сент-Оггсе, рядом с нами, и живет дома. Я только боюсь, что с Томовой головой умника не сделаешь. Чувствую, он хитер. В твою родню пошел, Бесси.

— Что правда, то правда, — вздохнула миссис Талливер, ухватившись за последние слова. — И суп любит по-солонее, прямо как мой отец и мой братец.

— Дочка-то в меня пошла, — продолжил мистер Талливер. — Вот что значит смешивать породы — никогда не угадаешь, что получится. Мэгги куда сообразительнее Тома. Боюсь, она даже слишком сообразительна для девочки. — Он покачал головой. — Это ничего, пока она маленькая, но слишком умная женщина — все равно что длиннохвостая овца: дороже ее за это не оценят.

— Мне и сейчас с ней беда! — отозвалась миссис Талливер. — Вся ее сообразительность — в проказах. Не могу заставить ее пронести чистый передник хотя бы два часа. И вот, кстати... — Миссис Талливер встала и подошла к окну. — Где она сейчас? Уже время к чаю. Так и есть: бродит у воды, как дикарка! Того и гляди упадет!

Она постучала по стеклу, погрозила пальцем и покачала головой, проделала все это несколько раз и наконец вернулась в кресло.

— Ты говоришь о сообразительности, — проворчала она, — а по-моему, местами она совсем глупа. Пошлю

ее за чем-нибудь наверх — она забудет, зачем пошла, сядет на пол, заплетет волосы и запоет, как полоумная, а я жду внизу. В моей родне такого не было! Да и кожа у нее смуглая, как у цыганки. Тоже не в нас. Не хочу роптать на Бога, но тяжело, что у меня всего одна дочь, да и та дурная.

— Вздор! — отрезал мистер Талливер. — Здоровая черноглазая девчонка, лучше не придумашь. Читает не хуже пастора — не понимаю, в чем она отстает.

— Волосы у нее не выются, что я ни делаю! И бесится, когда накручиваю на бумажки, не заставишь стоять смирно, чтобы прогреть щипцами.

— Так постриги ее под гребенку! — вспыхнул отец.

— Да как ты можешь такое говорить?! Ей уже десять лет, высокая не по возрасту — нельзя же просто ее обстричь! У ее кузины Люси локоны хоть куда, каждый волосок на месте. Право, завидно, что у моей сестры Дин такой красивый ребенок! Порой кажется, Люси больше похожа на меня, чем моя собственная дочь... Ох, Мэгги, Мэгги! — позвала мать не то ласково, не то сердито, когда малолетняя ошибка природы вошла в комнату. — Сколько раз говорить, чтобы ты не подходила к воде? Упадешь и утонешь, а потом пожалеешь, что не слушалась!

Мэгги скинула шляпку, и вид ее волос лишь подтвердил материнские жалобы. Желая, чтобы у дочери были кудри, как у других детей, миссис Талливер слишком коротко подстригла челку, и теперь волосы торчали во все стороны, не желая укладываться. Мэгги то и дело встряхивала головой, словно пони, чтобы тяжелые пряди не лезли в глаза.

— боже мой, Мэгги, о чем ты думаешь? Бросила шляпу! Отнеси наверх да приведи себя в порядок! Надень чистый передник, смени башмаки и садись за лоскутное одеяло, как приличная девочка.

— Мама, не хочу я шить это одеяло! — надулась Мэгги.

— Как?! Не хочешь сделать его для тетки Глэгг?

— Это глупая работа! — встряхнула она гривой. — Рвать ткань на лоскуты, а потом сшивать. Да и тетке Глегг я ничего делать не стану — не люблю ее!

С этими словами Мэгги вышла, волоча шляпу за ленту, а мистер Талливер рассмеялся.

— Не понимаю, что тут смешного! — раздраженно сказала жена. — Глегг и так твердит, что я ее балую, а ты только поощряешь ее упрямство!

Миссис Талливер была женщиной доброй и кроткой. В младенчестве она плакала только от голода, и росла она здоровой, полной и немного простоватой блондинкой — можно сказать, была украшением семьи. Но кротость, как и молоко, со временем киснут, и юные желудки переваривают их с трудом.

Часто я думаю: сохраняли ли мадонны Рафаэля с их бледными лицами и чуть глуповатым выражением прежнюю кротость, когда их сыновья подрастали? Думаю, нет — их слабые упреки становились все резче, а раздражение росло, видя, что слова не действуют.

Глава III

МИСТЕР РАЙЛИ ДАЕТ СОВЕТ НАСЧЕТ ШКОЛЫ ДЛЯ ТОМА

Джентльмен в широком белом галстуке и жабо, который так любезно пьет грог со своим добрым другом Телливером, — это сам мистер Райли, человек с восковым цветом лица, пухлыми руками, слишком хорошо воспитанный для аукциониста и оценщика, но весьма великодушный к своим простым деревенским знакомым, которых он любезно называл «людьми старой закалки».

Разговор затих. Мистер Талливер воздержался от того, чтобы в седьмой раз повторять, как ловко Райли поставил на место Дикса и как сбил спесь с Уэйкема, разрешив вопрос о плотине. Он был уверен, что споров об уровне воды в реке и вовсе не возникло бы, если бы каждый вел

себя так, как положено, и не сотвори дьявол адвокатов. Мистер Талливер во всем придерживался старых взглядов, перешедших к нему от предков. Лишь в одном-двух вопросах он доверял собственному разумению и пришел к довольно сомнительным выводам — например, что крысы, хлебный червь и адвокаты — творения того же дьявола.

Но сегодня, вне всяких сомнений, добро победило: история с водяной мельницей была запутанной, хоть и казалась на первый взгляд простой как дважды два. Однако, как бы сложна она ни была, Райли с ней справился. Мистер Талливер налил себе грога покрепче обычного и высказывался о деловых талантах друга с откровенностью, довольно опрометчивой для человека, у которого, по слухам, на счету лежит кругленькая сумма.

Конечно, разговор о плотине можно было отложить, к ней всегда можно было вернуться. Зато был другой вопрос: мистер Талливер остро нуждался в совете Райли. Именно поэтому он сделал последний глоток и задумчиво потер колено — он не любил резко менять тему. Зачем торопиться? Если гнать телегу слишком быстро, можно опрокинуться.

— Есть у меня одна мысль, — наконец промолвил мистер Талливер, понизив голос и пристально глядя на собеседника.

— А-а? — отозвался мистер Райли.

У него были тяжелые восковые веки и всегда удивленно приподнятые брови — лицо его оставалось неизменным при любых обстоятельствах. Эта внешняя невозмутимость, а также привычка брать шепотку табака перед ответом делали его слова вдвое весомее для Талливера.

— Дело деликатное, — продолжал тот. — Касается моего мальчика, Тома.

Мэгги, сидевшая на низкой скамеечке у огня с большой книгой на коленях, услышала имя брата и махнула головой, откидывая густую челку, и с интересом взглянула на отца. Мало что могло отвлечь ее от чтения, но имя

Тома действовало безотказно — как самый пронзительный свист. В одно мгновение она насторожилась, сверкая глазами, словно скотчтерьер, чующий недоброе.

— Видите ли, я хочу отдать его в новую школу к середине лета, — пояснил мистер Талливер. — Он освободится от занятий в академии к Благовещению, и я дам ему побездельничать три месяца, но потом хочу определить его в хорошую школу, где из него сделают ученого.

— Что ж, — сказал мистер Райли, — лучшего подарка, чем хорошее образование, вы ему не сделаете. Хотя, — добавил он с учтивым намеком, — и без помощи учителей человек может стать отличным мельником, фермером и вообще дельным малым.

— Верю, — подмигнул мистер Талливер, склонив голову набок. — Но в том-то и дело. Я не хочу, чтобы Том был мельником и фермером. Не вижу в этом проку. Ведь если я его к этому подготовлю, он начнет ждать, когда я отойду от дел, и намекать, что мне пора на покой. Нет уж, посмотрелся я на таких сыновей. Зачем же раздеваться перед тем, как лечь спать. Я дам Тому образование и устрою его в дело, чтобы он мог сам свить себе гнездо, а не выталкивать меня из моего. Пусть получит его после моей смерти — не раньше. Не хочу, чтобы меня кормили с ложки, пока у меня еще свои зубы есть.

Видно было, что мистер Талливер затронул болезную тему. Даже после этих слов он еще минуту мотал головой и ворчал: «Нет уж, нет уж», словно не в силах успокоиться. Мэгги, остро чувствующая отцовское настроение, не выдержала.

— Папа, Том никогда не будет плохо относиться к тебе! — вскричала она, вскочив со скамейки и роняя книгу. — Я знаю, что не будет!

Миссис Талливер тут же вышла проверить ужин, а сердце отца дрогнуло от нежности. Он не стал ругать дочь за книгу. Мистер Райли поднял ее и бегло просмотрел, а Талливер, смягчившись, засмеялся, потрепал Мэгги по спине и усадил на колени.

— Что, нельзя и слова плохого сказать о Томе, да? — подмигнул он дочери, а затем, понизив голос, обратился к Райли: — Она все понимает, совсем как взрослая. И читает бегло, без запинок, как будто весь текст знает наизусть. Вечно с книгой! Хотя... — тут он нахмурился, — это плохо. Женщине незачем быть такой умной — иначе выйдет боком.

Но тут гордость вновь взяла верх.

— А все же она понимает книги лучше половины взрослых!

Мэгги вспыхнула от восторга. Теперь-то мистер Райли наверняка станет уважать ее! Тот перелистывал книгу, и лицо его казалось безучастным, но вдруг он взглянул на девочку и сказал:

— Ну-ка, подойди и расскажи мне про эту книгу. Вот тут картинки — объясни, что они значат.

Мэгги, не смущаясь, подошла к нему и, встряхнув головой, ухватила за угол страницы.

— О, я расскажу! Это страшная картинка, правда? Но я не могу оторвать от нее глаз. Эта старуха в воде — ведьма. Ее бросили в озеро, чтобы проверить: если всплывет — значит, она ведьма, а если утонет... ну, то есть умрет — значит, невиновна. Только какая ей радость быть невиновой, если она уже мертва? Разве что попадет в рай и Бог воздаст ей. А этот ужасный кузнец, который стоит, руки в боки, и смеется... Фу, какой противный! На самом деле это дьявол! — Голос Мэгги звенел от возбуждения. — Не настоящий кузнец, а дьявол в его обличье, потому что дьявол принимает вид злых людей и ходит среди нас, подстрекая на дурное. И чаще всего он выглядит как плохой человек, потому что, если бы люди видели его настоящий облик и слышали его рев, они бы убежали и он не смог бы заставить их делать то, что хочет!

Мистер Талливер изумленно слушал.

— Да что это за книга у тебя?! — наконец вырвалось у него. Он посмотрел на обложку. — «История дьявола» Даниэля Дефо, — прочел мистер Райли. — Не совсем под-